

Анна Матвеева

---

Спрятанные реки



Анна Матвеева

---

Спрятанные реки

Истории о попутчиках



РЕДАКЦИЯ  
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.161.1-32  
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44  
М33

Художник *Ирина Сальникова*

Фотография автора на переплете –  
*Марина Голомидова*

**Матвеева, Анна Александровна.**

М33 Спрятанные реки : Истории о попутчиках /  
Анна Матвеева. – Москва : Издательство АСТ :  
Редакция Елены Шубиной, 2019. – 285, [3] с. –  
(Проза Анны Матвеевой).

ISBN 978-5-17-111673-6

Анна Матвеева – прозаик, финалист премий «Большая книга», «Национальный бестселлер». Автор романов «Перевал Дятлова, или Тайна девяти», «Завидное чувство Веры Стениной», «Есть!».

Новый цикл рассказов «Спрятанные реки» – о дороге и людях, которые встречаются нам на пути – жизненном, или просто пути из пункта А в пункт Б. Даже спустя годы герои этой книги помнят тех, кто вовремя сказал нужное слово, протянул руку или случайно разделил с ними горе и радость.

Это книга о жизни как долгом пути к самому себе: все мы пилигримы. Мы можем изменить свою жизнь в любой момент. И это проще, чем кажется. Только нужно набраться смелости и сделать первый шаг.

УДК 821.161.1-32  
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111673-6

© Матвеева А.А.  
© ООО «Издательство АСТ»

# Камин Святого Якова

## Дневник одного путешествия

### Пролог. Екатеринбург

Со святыми у меня всегда было хорошо. Особенно — с католическими. Я их с детства люблю, хотя мы с мамой никакие не католики, да и православными могли себя назвать с большими оговорками. Мы из тех православных, которых истинно верующие выгоняют из храма за то, что без платка и в брюках. Мы на бегу ставим свечку у первой попавшейся иконы (а ведь ходили специально — к Симеону Верхотурскому!) и покидаем церковь под хоровое шипение, заглушающее даже самого голосистого диакона.

В детстве я знакомилась в основном с католическими святыми — и не в храмах, а прямо

у себя дома. Листала альбомы по искусству и — знакомилась.

Вот святая Агата. Она держит в руках тарелочку, где лежат её отрезанные груди, и смотрит на них с каким-то удивлением, как будто сама не понимает, что это с ней приключилось. Груды похожи на светильники в нашей квартире, и я этих светильников стеснялась перед подругами, хотя они святой Агаты знать не знали.

Вот святой Пётр с ключом и святой Павел с мечом. Пётр седой, кудрявый, широколицый. Павел тоже седой, но лицо имеет несколько более вытянутое, и борода у него в форме веника. В детстве мне казалось, что святой Пётр похож на Карла Маркса, а святой Павел — на Фридриха Энгельса, но я об этом благообразно никому не рассказывала.

Вот святая Екатерина с колесом — опирается на него так естественно, как будто это не орудие пытки, а просто нужная в хозяйстве вещь. Вот четыре евангелиста — и каждого сопровождает кто-то крылатый: Иоанна — орёл, Матфея — ангел, Марка — окрылённый лев, Луку — бык с крыльями. Вот бедненький святой Варфоломей, с которого заживо содрали кожу. Святой Христофор с младенцем Иисусом и святой Симеон — тоже с младенцем. Франциска Ассизского в коричневом облачении легко спутать с Ан-

тонию Падуанским, но у Франциска рядом всегда животные и птицы, а у Антония — снова младенец, и ещё лилии.

А вот мой самый любимый святой — Иероним, по-итальянски — Джироламо. Он носит красную кардинальскую шляпу и достаёт у льва из лапы занозу. Лев пришёл в монастырь за помощью, заноза ему сильно досаждала. Монахи в ужасе разбежались, но святой Иероним не побоялся хищного зверя и вылечил его. После этого лев стал верно служить Джироламо, но потом, кажется, отбился от рук.

Святой Фома (по-английски — Томас) был любопытным и недисциплинированным: вечно всюду опаздывал, пропустил и Явление Христа апостолам, и Успение Богородицы.

Святой Яков (Сантьяго по-испански) запомнился тем, что носил на шляпе красивую ракушку, немного похожую на те, которые мама привезла с моря. Единственный раз, когда она была на море — без меня и без денег. Поэтому вместо подарков привезла то, что смогла найти интересного, — ракушки, жёлуди, шишки кипарисов, перья каких-то птиц: жёсткие сверху и пушистые, нежные снизу.

Я была тогда в пионерлагере — проплакала всю смену, скучала по маме и не хотела *участвовать*. Участвовать заставляли вожаки, воспитательницы, старшие девочки, но

я просто заливалась слезами и считала даже не дни, а часы до конца заточения.

С тех пор я научилась ощущать каждый день: его начало, зенит, закат и уход.

Помню, как мама приехала за мной — до конца смены оставалось два дня, это было нарушение режима, это было и попросту невыгодно — в конце концов, в лагере меня кормили четыре раза в день, а дома у нас иногда не было совсем никакой еды.

Но мы обе уже не могли больше ждать — никого и никогда я не ждала с такой силой, как маму тем летом. Она сильно загорела, на шее у неё были незнакомые деревянные бусы, и я бежала к ней, широко раскрыв руки, запнулась и упала под хохот старших девочек. Я теперь в четыре раза старше самой взрослой из этих девочек, но на колене до сих пор есть шрам — белый и толстый.

А мамы больше нет.

Вот уже пять лет как нет моей мамы. Жди не жди, она не вернётся.

Об этом знают все святые, и лучше других — святой Яков, Сантьяго. Гроб с его останками море принесло к берегам Испании. Маму я похоронила на Северном кладбище — главный вход там похож на футбольные ворота.

Сегодня начинается моё путешествие к святому Якову. Я лечу в Москву, потом в Париж,

оттуда — поездом до города Сен-Жан-Пье-де-Пор, и — пешком через Испанию.

Истинно православные скажут, что и в России есть маршруты для верующих. Если так уж хотелось поиграть в паломницу, можно было бы пройти пешком из Москвы до какого-нибудь монастыря.

Но и у буддистов есть такие маршруты. И у мусульман.

Они у всех есть. А я пойду к святому Якову — отнесу ему ракушку из детства: ей почти тридцать лет. Ракушка поблёкла, справа у неё отломан ребристый кусочек, но она по-прежнему пахнет морем. И шумит в ушах родной кровью.

## **День первый. Москва**

Сорок лет — ума нет.

Всё предусмотрела, обо всём позаботилась, прочла и учла советы бывалых. Обязательно разносите обувь, в которой планируете идти на маршрут, — разносила. Возьмите с собой шлёпанцы, пустую бутылку для воды, беруши, спальник и средство от клопов — взяла. Заранее отметила на карте муниципальные «альберги», где паломников ждёт дешёвый ночлег. Целых три года копила мили, чтобы сэкономить на перелётах. Выучила испанский язык —

точнее, попыталась выучить, потому что он мне не нравится. Он грубый, сердитый, как будто специально придуман для хриплых, севших голосов. Но слов двести я усвоила и спросить дорогу до ближайшего альберго уж точно сумею.

Я бросила курить и три года ходила пешком на работу в любую погоду. Мы живём, то есть теперь уже я одна живу на улице Амундсена, а работаю на Вторчермете, и это не ближний свет.

Я коротко постриглась и никак не могла привыкнуть к своему отражению — поэтому решила, что буду отныне смотреться в зеркало лишь в самых крайних случаях.

В общем, я продумала каждый шаг этого месяца — выбранного после долгих раздумий апреля, когда на пути Святого Якова — «камино де Сантьяго» — всё-таки теплее, чем зимой, а туристов не так много, как летом. Я оставила ключи от квартиры соседке, чтобы поливала цветы. Отвезла кота коллеге. Оплатила все счета. Приладила к отпуску давно собранные отгулы — и они соединились так легко, как будто были частичками одного пазла. Начальница Александра Павловна долго сидела над моим заявлением, но не найдя, к чему придраться, поставила свою подпись — лихой росчерк на полстраницы.

Я только одного не учла — крохотной ямки на московском асфальте. Ступила в неё довер-

чиво, не глядя — потому что взгляд мой был прикован к блестящему куполу какого-то храма. Куполок был ни дать ни взять конфета трюфель в золочёной фольге — об этом я думала, пока спотыкалась и падала. Результат: левое колено свезено до алого мышечного шёлка. Правую ногу я подвернула так, что удар пришёлся на косточку лодыжки. Она сильно распухла ещё до того, как я со своим рюкзаком доплелась наконец к тёте Юле в Строгино.

На самом деле тётя Юля мне никакая не тётя, а просто старинная мамина подруга, которая переехала в Москву лет сорок назад, как раз когда я родилась. Своей семьи у тёти нет, и поэтому она сразу же стала мне второй мамой. Баловала меня, воспитывала, наряжала. Все модные вещи, которые были у меня в юности, приехали с okazji из Москвы — и сапожки-дутики, и теннисная сумка из клеёнчатой ткани, и кроссовки «томис».

Я ещё из лифта не успела выйти, а тётя Юля уже вручала мне какие-то подарки.

— Ничего с собой не возьму, то есть возьму, но на обратном пути, — отбивалась я.

В квартире пахло приготовленной по всем правилам печенью в сметанном соусе.

Идею пойти пешком в Сантьяго тётя Юля решительно осуждала. Дело было даже не в том, что это чужие католические мощи, —

у тётки достаточно широкие взгляды. Дело в том, что тётка боялась потерять ещё и меня — и остаться в этой жизни в совершенном одиночестве. В мою физическую форму она не верила — считала, что я *обезножусю* в первый же день.

Мамину смерть мы переживали вместе и так и не пережили до конца. Во всяком случае, я.

Первые месяцы переживались каждый день. Тётка Юля спрашивала:

— Не снилась сегодня?

Так буднично, как о погоде или пенсии.

Мне мама снилась редко, зато тётку Юлю посещала исправно — и я звонила в Москву, чтобы узнать, как у неё *там* дела. Глупость несусветная, но мне становилось легче, когда тётка рассказывала — красочно, с подробностями, — что они с мамой во сне делали, о чём говорили и как мама выглядела (обычно — хорошо).

А мне если вдруг и выпадал счастливый сон, где я снова видела маму, то я прямо там, во сне, сомневалась, точно ли это она? Потому что мама во сне всегда немного отличалась от моих воспоминаний и от своих фотографий: то ростом была почему-то меньше, то причёску вдруг носила другую, то ещё какая-то неточность выплывала на первый план, и я мучилась от неспособности радо-

ваться нашей встрече — такой короткой и долгожданной. Просыпалась — и ругала себя последними словами, а потом звонила тётё Юле и слышала очередное:

— А мы сегодня с Ленкой по грибы ходили!

Где-то он был, недоступный мне мир, где мама была жива и смеялась, прикрывая рот ладонью (в детстве внушили, что так приличнее), — и быстрее всех собирала грибы.

Я вот ни одного гриба в своей жизни не нашла.

— Ну и какой из тебя походник? — сердилась тётя Юля. — Давай раздевайся, обработаем твои ранения.

Свезённое колено к ночи почти перестало ныть, а вот правая лодыжка распухла ещё сильнее.

— Пока к доктору не сходишь, никаких тебе святых! — сказала тётя Юля.

Хочешь быть молодой — навещай стариков.

Мама мне сегодня не приснилась.

## **День второй. Москва**

У врача, к которому меня записала тётя Юля, наверное, диабет.

Он высокий, полный и, судя по всему, плохо видит.

Когда доктора тоже чем-то болеют, это делает их человечнее.

По моим наблюдениям, самые высокомерные люди — это врачи и переводчики. Вместе со своими познаниями они получают гордость за себя и пренебрежение к тем, кто ими не обладает.

Врач ничего не говорил, только сопел, когда я рассказывала ему про ямку на асфальте. А когда услышал о камино, то слегка поднял брови — возможно, что на его эмоциональном языке эти брови означали крайнюю степень удивления.

— Вам не камино требуется, а камин. Лежать в тепле и покое, лечиться! — неуклюже пошутил доктор и тут же сменил тон: — Вот так трогаю — больно?

— Больно, но не очень, — сказала я.

— А вот так?

— Ой, вот так лучше не трогать совсем!

Доктор снова поднял брови.

— Давайте-ка на рентген — в двух проекциях. И снова ко мне, со снимочком.

Рентгенолог укладывала меня на столе, как курицу на противне — любовно поправляла так и этак. Свезённая вчера коленка вдруг снова заныла — видимо, чтобы составить компанию лодыжке.

— Не двигаемся, женщина! — сказала рентгенолог, и я послушно застыла под свинцовым фартуком.

Потом на пути в кабинет рассматривала *снимочек*. Даже моих убогих познаний в медицине хватило, чтобы понять — маленький фрагмент косточки оторвался и висит теперь, точно космонавт в невесомости.

(Между прочим, какие у меня красивые кости! Обычно ведь нет повода ими любоваться.)

Доктор глянул на снимок мельком — и принял строчить на листке со штампом. Никогда не видела, чтобы люди так быстро писали!

Я терпеливо ждала.

— Больничный нужен?

— Нет, спасибо. Я в отпуске.

— Вот это хорошо! — обрадовался врач. Ещё что-то черкнул в листе назначений, потом достал из кармана халата личную печать.

— Так что же у меня такое? — насколько могла весело и беззаботно спросила я.

— Апикальный перелом наружной лодыжки с отрывом таранно-малоберцовой связки справа. Никаких вам пеших переходов!

Чёрный носок без пятки называется красивым словом «ортез» — его шнуруют, как коньки, и носят целый день, не снимая. Ещё надо купить ортопедические стельки. На лодыжку утром и вечером наносить аэртал, трижды в день пить таблетки трёх видов и не поднимать тяжести больше чем в пять килограммов (мой рюкзак весит десять).